

24. Qu'est-ce que le Collège de 'Pataphysique ? [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <http://www.college-de-pataphysique.fr/presentation.html>. – Date d'accès : 17.07.2014.
25. Collège de 'Pataphysique. Le cercle des pataphysiciens. – Paris : Mille et une nuit, 2012. – 128 p.
26. Делез, Ж. Критика и клиника / Ж. Делез. – СПб. : Machina, 2002. – 240 с.
27. Кислов, В. Послесловие / В. Кислов // Кено Р. Упражнения в стиле: Романы, рассказы и др. – СПб. : Симпозиум, 2001. – 618 с. – С. 545–590.
28. Oulipo. La littérature potentielle (Créations Re-créations Récréations). – Paris : Gallimard, 1999. – 308 p.

Within this article the realization of disappearance in the artistic discourse of French literature during the period 1950-1970 is examined. The conception of Lazarus literature allows to reveal the peculiarities of the development of French literature in the second half of the XX century, bring out the logic of its transition from neo-avant-garde to postmodern.

Поступила в редакцию 05.11.14

О. В. Шеверина

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. П. АСТАФЬЕВА

В статье выявляются особенности структурно-семантической организации личных имен, функционирующих в текстах В. П. Астафьева. В значении имени выделяется социальная составляющая с коннотациями «национальность», «типичность», «народность». Определяются имена, репрезентирующие национально-культурные стереотипы и формирующие образы-символы микро- и макросоциума. Доказывается, что официальная форма имени отражает исторически обусловленную специфику социального развития конкретного общества, а неофициальные формы имен инициированы социальным статусом, принадлежностью участников коммуникации к определенной социальной группе и межличностными отношениями между ними.

Антропонимическая система представляет собой особую подсистему языка со специфическими закономерностями организации и функционирования. Наряду с этим, как отмечает В. И. Супрун, «ономастические единицы обеспечивают знакообозначение таких важнейших координат речевой ситуации, как субъект и объект речевой деятельности, место действие и др.» [1, с. 3]. Антропонимы являются универсальным средством идентификации субъекта. Разные способы именования одного и того же лица свидетельствуют о разнообразных взаимоотношениях говорящих, выражая при этом экспрессивно-оценочные значения. Не менее важным является и то, что антропонимы выполняют социокультурную функцию и репрезентируют национально-языковое своеобразие определенного общества.

Функционирование собственных имен в художественной литературе имеет специфику, поскольку художественный текст сочетает в себе отражение окружающей действительности, переплетенное с авторским замыслом и его индивидуальным стилем, в силу чего антропоним «наполняется» ассоциативными связями, на основе которых происходит приращение множества коннотативных значений. Антропонимы становятся важным художественным средством в ономастическом пространстве текста и играют «ведущую роль в создании семантической композиции наряду с другими средствами» [2, с. 102]. Называя персонажа, имена способны не только охарактеризовать действующее лицо, но и соотнести его с конкретной страной, временем, социумом, отразить особенности национального именика и антропонимический этикет определенного общества.

Целью данной статьи является выявление особенностей структурно-семантической организации личных имен, функционирующих в текстах В. П. Астафьева, творчество которого неразрывно связано с русским народом, его традициями и бытом.

Материалом для исследования послужили контекстные единицы, представленные антропонимической категорией «личное имя», собранные методом сплошной выборки из произведений В. П. Астафьева «Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты», которые образуют ядро художественного творчества писателя. Общий объем проанализированного материала составил 160 номинативных единиц (93 мужских и 67 женских имен), функционирующих в 399 различных формах и вариантах.

Личное имя персонажа занимает центральное место в антропонимном фонде исследуемых художественных произведений. Анализ исследуемых единиц показал, что во внутренней форме онимов выделяется указание на национальную принадлежность именуемого, т.е. осуществляется реализация в их семантике социального компонента национальности. С этой точки зрения антропонимное пространство В. П. Астафьева можно разделить на следующие сегменты.

1. Имена, воплощающие образ «русского человека», представленные христианскими календарными именами, неоднородными по своему происхождению. Нами выделены имена греческого происхождения – *Александр, Василий, Георгий, Агафья, Варвара, Глафира* и др.; латинского – *Валентин, Донат, Лазарь, Августа, Домна, Капитолина* и др.; древнееврейского – *Авдей, Захар, Соломон, Елизавета, Лия, Серафима* и др.; древнеперсидского – *Дарья*; славянского – *Вера, Людмила*; скандинавского – *Ольга*; а также русские новообразования – *Электрина*; заимствования – *Нелли, Роза, Эльвира* и некалендарное древнеславянское имя *Станислав*.

Следует отметить, что личные имена, пришедшие с принятием христианства, не обладают характеристической информацией в силу утраты исходного апеллятивного значения, воспринимаются носителями языка как исконно русские и, как следствие, ассоциируются с человеком данного этноса.

Единичными именами в антропонимиконе, которые способны актуализировать в сознании русского человека этимологическое значение, являются онимы *Роза, Электрина, Вера*. Антропоним *Роза* мотивирован апеллятивной основой «роза», обозначающей цветок. Имя *Электрина*, принадлежащее одной из героинь романа «Прокляты и убиты», воплощает идею создания новых имен в период советской власти. Имена данного типа обладают смысловой семантикой с идеологической коннотацией: *Степа пробовала себя переименовать согласно историческому моменту в Электрину, тоже Феликсовну, но ничего с народом поделатъ не могла, на сцене Электрина, в жизни же Степа да Степа* [3]. Этимологическое значение имени *Вера* отмечено в языковом сознании носителей русского языка затуханием мотивированной внутренней формы в силу долгого функционирования данного онима в реальной антропонимической системе языка и постепенного отторжения исходного значения от звуковой оболочки имени.

2. Имена, создающие образ «русскоговорящего человека другой этнической принадлежности», выраженные маркированными онимами, манифестирующими национальную идентичность армян – *Ашот, Геворг*; башкир – *Азат*; казах – *Талгат*, а также этническими именами эвенков – *Ульчин* и ненцев – *Гульшой*.

3. Имена, символизирующие образ «иностранца» и соотносимые с именниками государств Западной Европы: Франции – *Жан*; Германии – *Ганс, Зигфрид, Иохим, Кондрад, Максимилиан, Отто, Фридрих, Янгель, Маргарет*; Польши – *Изольда*; а также антропонимические единицы *Донеску, Тойво, Трестини*, идентифицировать которые затруднительно с определенной страной. Именник Восточной Азии представлен онимом *Ямага*.

Сочетание вышеназванных образов в едином антропонимном пространстве формирует определенную часть модели общества, отражая сложившиеся этнические контакты, исторические и социальные процессы.

Имена, принадлежащие к национальному именнику стран, входивших в состав бывшего Советского Союза, функционируют в антропонимном пространстве произведений по моделям русского языка в силу их долгого сосуществования в русскоязычном социуме и под влиянием политики русификации. Например, одного из героев в романе «Прокляты и убиты», *Ашота Васконяна*, еврея по отцовской стороне и армянина по матери, товарищи по роте называют *Ашотом*, а мать обращается к нему ласково и любяще, как к своему маленькому ребенку, о чем свидетельствует использование варианта именования с суффиксом -ик – *Ашотик*: *Старшина Шпатор тихо ронял: – Вот голова-то у тебя, Ашот, какая золотая! А ты все с начальством споришь, памаш. Лучшие бы винтовкой овладевал. Писем домой не пишешь, мать командованию звонит: «Жив ли мой Ашотик?»* [3].

При этом национальная идентификация образов, как правило, проводится в рамках авторского комментария: 1. *У Азата Ералиева мать была башкирка, отец татарин, а вся остальная родня русская* [3]. 2. *Гульшой – ненец, взрослый мужик, охотник, приехал на оленях из-под Сопочной карги в гости, на печку-экран с ножом бросился, увидев медведя* [4]. 3. *Нельзя, говорит Ямага, офицер, самурай...* [5].

Соотнесение имени действующего лица в повести «Прокляты и убиты» Геворк с национальным именником осуществляется посредством конструкции «имя+фамилия», где фамилия с формантом *-ян*, свойственным армянской антропонимической системе, выступает четким идентификатором этнической принадлежности: *Накуролесил Щусь достаточно для суда, разжалования и штрафной роты, да никак его не выдернуть из объятий полковника Геворка Азатьяна* [3].

Личные имена, характеризующие антропонимикон немецкого языка, представлены официальной формой – *Зигфрид, Конрад, Отто* и др.; гипокористической – *Макс, Курт* и др. и качественными формами – *Гретхен*.

Наиболее интересным, на наш взгляд, является использование автором имени Гретхен для одной из действующих лиц романа «Прокляты и убиты». Автор характеризует ее следующим образом: *В Виннице в каком-то важном отделе ставки фюрера работала шифровальщицей дама с незатейливым именем Гретхен* [3]. Гипокористическая форма *Гретхен* представляет собой деминутив с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-хен*. Формы личных имен с этим формантом используются в немецкоязычном социуме при обращении к детям и имеют оттенок нежности, трогательности. По отношению к взрослым такая форма имени указывает на существующие дружеские связи. Сама же форма имени закрепилась в языковом сознании носителей немецкого языка благодаря художественным образам в литературе и фольклоре за наивной молодой девушкой, принадлежавшей к непривилегированному сословию. Героиня в романе немолода, но носит несложное, обыденное имя, что в том числе свидетельствует о ее происхождении из простой семьи.

Имена *Фриц, Жан, Иван / Ивашка, Емеля, Еремка*, встречающиеся в исследуемых произведениях, используются автором также как национально-культурные индикаторы, национальные символы, которые должны репрезентировать характер определенной нации и стереотипизировать посредством имен ее историко-культурные традиции. Выявленные случаи плюрализации личных имен *Лешки, Гришки, Пети, Васи*, подкрепляемые приемом перечисления, способствуют усилению эффекта типизации и дают возможность рассматривать их как опознавательные знаки культуры, способные формировать конкретный образ микро- или макросоциума. Так, например, в романе «Прокляты и убиты» с помощью формы множественного числа имен героев *Лешки Шестакова, Гришки Хохлака, Пети Мусикова* и *Васи Шевелева* (каждый из которых наделен автором особым характером) типизируются образ армейской казарменной среды и человеческие взаимоотношения: *Чем ближе сходилась с так называемой «боевой семьей», с этими Лешками, Гришками, Петями и Васями, тем чужей становились ему мать с отцом* [3].

Личные имена функционируют в произведениях В. П. Астафьева как в официальной форме – *Александр, Василий, Гаврила, Августа, Варвара, Дарья* и др., так и в неофициальной – *Саня, Алеша, Веня, Шура, Нюрка, Валюха*

и др. Неофициальная форма является самой частотной – 70 % от общего количества личных имен. Это, на наш взгляд, обусловлено идейной спецификой произведения (изображение судьбы и характера «простого человека») и фактом выражения межличностного и субъективно-оценочного отношения к говорящему через варьирование форм имени. При этом часть имен, представленная в исследуемом антропонимном пространстве, наделена архаичной коннотацией, т.е. не используется или имеет низкое значение фреквентативного показателя частоты употребления в качестве именований лиц русской языковой общности второй половины XX века.

Личные имена, используемые в качестве официальных форм именования, отражают процесс произошедшей народной ассимиляции календарных имен, в результате которого многие церковные имена вошли в русский именник в народной форме и утвердились в ней как паспортные, документальные имена: Алексей ← *Алексий*, Архип ← *Архипп*, Гаврила ← *Гавриил*, Акулина ← *Акилина*, Настасья ← *Анастасия*, Василиса ← *Василисса* и др.

Исследуемое антропонимное пространство репрезентирует и факт равноправного существования в именнике народа параллельных форм имен: Наталья ↔ *Наталия*, Катерина ↔ *Екатерина*.

Обратим внимание на мотивированное авторским замыслом использование в произведениях народных вариантов имен. Такие онимы служат социальным символом, репрезентирующим старый русский уклад жизни сибирских городов и деревень и традиции именования старообрядцев, которые не принимали проведенную никоновскую реформу. Таким образом, можно говорить о том, что данные формы личных имен являются одним из элементов образной структуры художественного произведения и проецируют функцию исторической памяти, ретранслируя историческое наследие и социальное бытие общества.

Идею народности антропонимикона В. П. Астафьева подтверждает наличие просторечных форм: Зиновей ← *Зиновий*, Левонтий ← *Леонтий*, Пистимия ← *Епистима*, Марея ← *Мария* и разговорных форм календарного имени: Порфирь ← *Порфирий*, Михайла ← *Михаил*, Афимья ← *Ефимия*, Капалина ← *Капитолина*. В антропонимном пространстве зафиксированы и диалектные формы имени, которые можно разделить на территориальные: Сашко, Олексей, Шанька, Акульша, Глаха, Хвая и характеризующие речь русскоязычных людей, например, казахов – *Лошка*, армян – *Ггигогий*, *Когней*, *Никовай*, украинцев – *Мыкола*, *Ягор*, *Оксана*.

Неофициальная форма личного имени представлена ее гипокористическими вариантами – *Саня*, *Алеш*, *Гриня*, *Феня*, *Агаша*, *Капа* и др., качественными формами – *Санечка*, *Алешка*, *Андрюша*, *Валюха*, *Дашуха*, *Лидочка* и др. Личные имена героев в гипокористическом варианте являются стилистически нейтральными, но свидетельствуют о том, что их употребляют люди в неофициальном общении, как равные по социальному статусу (члены семьи, друзья), так и взрослые, обращаясь к младшим.

При изучении специфики употребления гипокористических форм имен с различными согласными основы мы опираемся на исследование А. Вежицкой [6], касающееся процесса приращения семантики антропонимов русского именника. Проведенный анализ сферы употребления гипокористических форм имен с различными согласными основы в антропонимиконе В. П. Астафьева показал, что автор отдает предпочтение кратким формам с конечным мягким или твердым согласным основы для именования героев в кругу семьи, родственников, близких друзей, наделяя их оттенком «семейности, близости», что вообще характерно для русской языковой системы. Так, например, герои произведений, находящиеся как в родственных, так и в дружеских отношениях, при обращении называют друг друга следующим образом: 1. *Мама сама, к своему и всеобщему удовольствию, со своей стороны выбрала мне в крестные свою сестру Апронию, с отцовской стороны меня крестил брат отца, дядя Вася, личность тоже очень занимательная, но о нем чуть позднее* [5]. 2. *Рискуешь, Лева. В нашей армии насчет доверия в последние годы...* [3].

Имена с основой на *-ша* не имеют четкой социальной дифференциации в своем употреблении в неофициальной сфере общения: 1. *Как-то незаметно для всех Кеша сразу из парнишки превратился в мастерового, домовитого мужика, и пока мы еще лоботрясничали, вытворяли разные штуки, не желая разлучаться с детством, он уже вел хозяйство, которое охотно уступил ему дядя Ваня, склонный больше к рассуждениям насчет работы, чем к самой работе* [7]. 2. *Ерофей, Родион, Паша, командир отделения Еранцев и приблатненный мужик Шорохов, который еще на берегу предупредил: «Кто полезет на салик – прирежу!»* [3].

Квалитативные формы имени формируют ядро антропонимного пространства В. П. Астафьева. Они субъективны и оценочны, и их формы подбираются автором для создания определенного коммуникативного эффекта. Так, например, Павел Финифатьев, один из действующих лиц романа «Прокляты и убиты», любящий муж, отец семерых детей, уважающий ценности семьи, вспоминает о своей жене, «дорогой, Богом ему данной супружницы», и детях: 1. *Это сколько же он, будучи парнем, творил из имени зазнобы своей складных слов: Аля, Аленька, Аленочка, Алевтинушка, Тина! – и не упомянуть, пожалуй, всех-то ласковых имен. И одно ведь басчей другого, каждое к языку медом льнет, сладкой каплей к нему прилипает, разливается теплом по нутру* [3]. 2. *Детки мои: Ваня, Сережа, Машенька, Граня, Веня, Марьюшка, Феденька – неприятная душа!* [7].

Основным средством создания квалитативных форм являются суффиксы. Самым частотным в антропонимиконе В. П. Астафьева можно назвать суффикс *-к* (58,5 % от общего количества). Исторически закрепившаяся уничижительная коннотация личного имени с формантом *-к* практически отторгается автором. На смену пренебрежительному оттенку приходит оттенок типичности народной речи, дружеской простоты как в общении взрослых, так и детей: 1. *Я спросил, где Ванька, мой однокашник, и она со*

вздохом сообщила, что Ваньку вызвали на приписку в Березовский военкомат [7]. 2. Между тем сам большевик Болтухин и его жена Екатерина, Катькой все привычно ее кликали, жили как ни в чем не бывало [5].

Формы, образованные с помощью формантов *-очк/-ечк* и *-оньк/-еньк*, обладают соотносительной продуктивной способностью в исследуемых произведениях: 14,6 % и 13,8 % соответственно. Их употребление мотивировано чувствами, которые испытывают говорящие по отношению к имеваемому. При этом формы на *-очк/-ечк* при обращении к взрослым актуализируют значение уменьшительности с оттенком «нежности/трогательности». Так, мать Левы Скорика в романе «Прокляты и убиты» пишет своему сыну: *«Бог даст тебе лучшей доли, Левочка!»* – писала в конце записки мать [3]. В том же романе тетка Фекла, родная сестра матери Феликса Боярчика, обращается в письме к своему племяннику: *«Что касемо Степы, матери твоей, Фелечка, дак не опасайся и об ней не тужи – она совсем забегалась, родному дитю написать некогда, хоть и намекивали ей, письма твои на тумбочку подкладывали – не прочитат даже, разве что ночью»* [3]. Тот же оттенок проявляется и при обращении взрослой женщины Гавриловны к своей молодой коллеге по работе Людмиле в повести «Царь-рыба»: *«Осторожно, матерински заботливо Гавриловна подъезжала к Людочке с советами: «Вы бы, Людочка, что-нибудь другое почитали, встряхнулись бы, развлеклись, потанцевали бы, попили бы парного молока. Если надо, прям в библиотеку таскать стану, бесплатно»* [4].

В формах с формантом *-оньк/-еньк* в ситуации общения между взрослыми людьми значение уменьшительности исчезает. В таких онимах актуализируется значение «близкие, доверительные отношения». Бабушка Екатерина Петровна в повести «Последний поклон», обращаясь к жене своего сына, говорит: *«Тебе, Любанька, наказ: всю гвардию накормить и удозорить, чтоб ни один в реку не упал и никуда не делся!»* [5]. Однако оттенок уменьшительности сохраняется, если речь идет о маленьких детях: *«Саньке весною пошел седьмой год, у Ванюхи на исходе шестой, Петеньке и четырех еще не минуло»* [5].

В антропонимиконе произведений В. П. Астафьева качественные формы личных имен с суффиксом *-ушк/-юшк* составляют 7,2 %. Их ласкательное значение в большинстве случаев заменяется автором оттенком сочувствия. Формы личных имен с таким значением представлены в романе «Прокляты и убиты», где переплетается множество действующих лиц с трагическими судьбами. Так, Фекла Блажных, отправляя своего племянника по всеобщему призыву на войну и понимая всю трагедию происходящего, говорит: *«Да Фелюшка! Да родимай ты мой! Да сохрани тебя Господи!»* [3]. Семья Жердяковых, жившая «не скотом и хлебом», а «рекой и рыбой», была принята новым управлением колхоза за кулаков и отправлена в изгнание. Не имея возможности взять с собой своего старшего сына, родители обращаются к нему: *«Храни тебя Бог, Никитушка-а-а! Храни тебя Бо-ог!»* [3].

Форманты *-уха/-юха* и *-ик/-ок* характеризуются единичностью употребления и не влияют на эмоционально-оценочный фон антропонимного пространства исследуемых произведений.

Однако значение субъективной оценки не всегда зависит от соответствующего форманта. Принимая во внимание особую среду функционирования онимов и авторскую концепцию, можно заметить, что качественные формы имен с определенными суффиксами могут актуализировать добавочные значения. В контексте, описывающем воспоминание женщины о своих сыновьях, которые ушли на фронт и от которых она давно не получила писем: *Когда солдатики, исхлестав друг дружку венками, явились из баньки неузнаваемо чистые, свежо дышащие, в хрустящем белье – от Ванечки и Максимушки, бедующих на войне, оставшееся, всплакнула Настасья Ефимовна* [3] к деминутивному значению суффикса *-ечк* присоединяется значение форманта *-ушк* – «жалость и сострадание».

Таким образом, художественный ономастикон произведений В. П. Астафьева представлен именами, которые функционировали в реальном именнике на протяжении XX века в русском социуме. Выделенная в семантике некоторых онимов коннотация «архаичности» свидетельствует о динамике развития именника и смене мотивов именования членов русской лингвокультурной общности. Рассмотрение состава антропонимикона на уровне денотативного компонента позволяет выделить в значении имен социальную составляющую с коннотацией «национальность», в результате чего в антропонимном пространстве произведений автором создаются 3 обобщенных образа: «свои» – «соседи» – «чужие», что отражает историко-культурные и социальные процессы русского общества. Имена с актуализацией признака типичности и имена, являющиеся национально-культурными стереотипами, формируют образы-символы микро- и макросоциума в рамках художественного текста, что позволяет говорить об их тексто-образующей функции.

Официальная форма имени представляет исторически обусловленную специфику социального развития конкретного общества. Использование календарных имен в народной форме способствует передаче особенностей староверческого, северорусского именника и местного колорита с коннотацией архаичности.

Формирование неофициальных форм имен осуществляется на основе официальной формы фонетическим и морфологическим путями с приращением эмоционально-оценочных оттенков с экспрессивным функциональным предназначением, что предопределяет ядерное доминирование таких форм в исследуемом художественном пространстве. Использование неофициальных форм имен инициируется социальным статусом, принадлежностью участников коммуникации к той или иной социальной группе и межличностными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : Монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.
2. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 104 с.
3. Астафьев, В. П. Прокляты и убиты : роман / В. П. Астафьев. – М. : Эксмо, 2009. – 800 с.
4. Астафьев, В. П. Царь-рыба : повествование в рассказах / В. П. Астафьев. – М. : Дет. лит., 2008. – 429 с.
5. Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : Офсет, 1997. – Т. 4 : Последний поклон : Повесть в рассказах : Кн. 1–2. – 464 с.
6. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : сб. статей / А. Вежбицкая [пер. с англ.] ; отв. ред. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
7. Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : Офсет, 1997. – Т. 4 : Последний поклон : Повесть в рассказах : Кн. 3. – 384 с.

The article deals with the structural peculiarities and semantic organization of personal names, functioning in V.P. Astafjev's texts. The social component with the connotations "nationality", "typicality", "folk character" is detected in the meaning of the personal name. The personal names that represent the national and cultural stereotypes and form the images and symbols of macro- and micro-society are defined. It is proved that the official form of the personal name reflects the historically determined specificity of the social development of a particular society, and informal forms of the personal name are initiated by the social status, the membership in a particular social group and the interpersonal relationships of communication participants.

Поступила в редакцию 10.11.14